

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>
EDN: HIDRQA

Научная статья / Research Article

Правотворческие отношения как форма применения права

В.В. Трофимов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация
 iptgutv@mail.ru

Аннотация. Подвергается теоретико-правовому анализу область общественных отношений в правотворческой сфере государства. Данные общественные отношения, которые складываются по поводу осуществления правотворческой деятельности субъектами правотворчества, предлагается рассматривать как вид правовых отношений с присущей им структурой в части объекта, субъектов, содержания, представленного соответствующими субъективными правами и юридическими обязанностями. Анализируется научный контекст, сложившийся в отечественной юриспруденции в связи с теоретической конструкцией правотворческих отношений. Отмечается, что несмотря на имеющиеся критические мнения относительно данной категории и фрагментарность при оперировании этим понятием, она имеет вполне явные перспективы для более активного использования в научном обороте. Устанавливается, что данный вид правовых отношений, действительно, имеет специфику, определяемую той деятельностью, вокруг которой складываются правотворческие отношения (властный и определяющий уровень принятия политико-правовых решений), однако это не исключает применения по отношению к соответствующим правовым связям конструкции правовых отношений. Предлагается понятие правотворческих правоотношений, дается характеристика правотворческого права как нормативной юридической основы правотворческих правоотношений. Характеризуются элементы правотворческих отношений. Формулируются научные выводы относительно явления правотворческих отношений как особой формы применения (реализации) права.

Ключевые слова: правотворчество, публичная власть, правовые отношения, правотворческие отношения, применение (реализация) права, правотворческие нормы, правотворческое право, объект, субъекты, содержание правотворческих отношений

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации программы развития ТГУ им. Г.Р. Державина «Приоритет-2030».

Благодарности. Статья подготовлена в целях привлечения обучающихся в юридическую науку и в интересах развития молодежной студенческой науки Державинского университета в рамках совместной научно-исследовательской работы над темой со студентами Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»: Александра Андреевна Родионова – студент 1 курса магистратуры очной формы обучения направления подготовки 40.04.01. «Юриспруденция», профиль: Уголовно-правовое и процессуальное противодействие преступности; Виктория Андреевна Турсина – студент 1 курса

© Трофимов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

магистратуры заочной формы обучения направления подготовки 40.04.01. «Юриспруденция», профиль: Право информационных технологий; Ангелина Михайловна Житнева – студент 3 курса бакалавриата очной формы обучения направления подготовки 40.03.01. «Юриспруденция».

Поступила в редакцию: 29 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Трофимов В.В. Правотворческие отношения как форма применения права // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 743–761. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>

Legislative relations as a form of law application

Vasily V. Trofimov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

 iptgutv@mail.ru

Abstract. The field of public relations within the realm of legislative processes of the state undergoes theoretical and legal analysis. These social relations, which arise from the implementation of legislative activities by legislative entities, are proposed to be regarded as a form of legal relationships with their inherent structure encompassing the object, subjects, and content represented by relevant subjective rights and legal obligations. The article examines the scholarly context that has emerged within Russian jurisprudence in connection with the theoretical framework of legislative relationships. It acknowledges that despite the existence of critical viewpoints regarding this category and fragmentation in its use, it holds clear prospects for more active integration within scholarly discourse. The article establishes that this form of legal relationships indeed holds specificity determined by the nature of the activities around which legislative relationships are formed, such as the influential role in political and legal decision-making. However, this does not preclude the application of the construct of legal relationships in connection with relevant legal activities. The concept of legislative legal relationships is proposed outlining the characteristics of legislative law as the normative legal basis of legislative legal relationships. The elements of legislative relationships are delineated and scientific conclusions are formulated regarding the phenomenon of legislative relationships as a distinct form of application and implementation of law.

Key words: legislative activities, public authority, legal relationships, legislative relationships, application (implementation) of law, legislative norms, legislative law, object, subjects, content of legislative relationships

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study has been conducted at Derzhavin Tambov State University under the Priority 2030 program.

Acknowledgments. The article was drafted to engage students in legal studies and to promote the development of youth scientific research at Derzhavin University. This initiative is part of collaborative research efforts with students from the Institute of Law and National Security at Tambov State University named after G.R. Derzhavin. The contributors to this joint research work are: Alexandra Andreevna Rodionova – a first-year full-time Master’s student specializing in Criminal-legal and Procedural Counteraction to Crime (training field 40.04.01 Jurisprudence); Victoria Andreevna Tursina – a first-year correspondence Master’s student specializing in Information Technology Law (training field 40.04.01 Jurisprudence); and Angelina Mikhailovna Zhitneva – third-year full-time Bachelor’s student in Jurisprudence (training field 40.03.01).

Received: 24th April 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Trofimov, V.V. (2024) Legislative relations as a form of law application. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 743–761. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>

Введение

Известно, что правотворческая деятельность в структуре правовой системы выступает как первоначальный уровень, с которого все начинает возникать и развиваться (субъективные права, юридические обязанности, правовые коммуникации, правовое сознание как результат осознания права и правовых явлений и др.), правотворчество по сути придает жизнь правовой системе общества, наполняя ее нормативными формами, создавая юридическую базу для возникновения разнообразных правовых отношений. Однако эта роль правотворческого уровня государственной организации общественной жизни нередко «затеняет» тот факт, что правотворческая активность, как и любая другая активность в правовой сфере, сама выступает в качестве предмета правового регулирования, а значит в этой области правовой жизни формируются свои (может быть – специфические) правовые отношения, связанные с реализацией соответствующих нормативных основ (элементов) правового регулирования собственно правотворческой деятельности, иными словами, *правотворческие правоотношения*.

Несмотря на то что эти отношения складываются в силу специфики своего предмета (властная нормотворческая деятельность) на высших иерархических уровнях публичной власти (органы законодательной или обладающей правотворческими полномочиями исполнительной власти), на эти властные отношения должны также распространяться правовые правила, алгоритмы его (права) реализации или применения, предполагающие, что в силу наличия юридических фактов (оснований, простых или сложных составов) в рамках осуществления соответствующей правотворческой деятельности возникают определенные правовые последствия. Иными словами, в области правотворчества происходит динамика возникновения, изменения и прекращения правовых отношений (правотворческих правоотношений).

Такой взгляд на феномен правотворчества может позволить, по нашему мнению, должным образом устанавливать (идентифицировать) весь элементный состав правотворческой системы (системы правотворческой деятельности), каждому из них находить свое юридическое описание и соответственно выводить правотворческую активность на необходимый уровень юридической упорядоченности, предсказуемости и определенности. На этой основе многие современные проблемы правотворчества, которые до сих пор продолжают проявлять себя на разных стадиях (ступенях) правотворческой практики и порождаемой практики правореализации (ошибки, дефекты, юридико-технические недочеты, неверное понимание смыслов правовых текстов и пр.), могут быть минимизированы, так как соответствующая практика будет введена в четкие и определенные формы (погружена в формат) реализации (применения) права, регламентирующего правотворческую деятельность, а значит выступающего основой для специфических правотворческих правоотношений.

С учетом той значимости, которая отводится правотворчеству на настоящем этапе общественного развития, данный исследовательский акцент представляется очень актуальным и в немалой степени оригинальным (новаторским), поскольку подобная постановка вопроса в юридической науке известна далеко не многим. Научно-исследовательская работа в данном направлении, на наш взгляд, позволит создать эвристические основания для формирования оригинальной концепции правотворческих отношений в современном государстве, установления их основополагающего места в общей структуре комплекса правовых явлений, выступающих вместе с собственно правотворчеством (формой которых и предстают правотворческие правоотношения) в виде базового элемента, опосредующего иные звенья и элементы функционирующего организма правовой системы (правовой жизни) общества.

Правотворческие правоотношения как особая разновидность правовых отношений: некоторые аспекты методологии и теории

В современной российской юридической науке существует ситуация довольно фрагментарного использования категории «правотворческие отношения». Несмотря на достаточно существенный объем отечественных научных исследований по теории правовых отношений (С.А. Муромцев (Muromtsev, 1879), В.М. Хвостов (Khvostov, 1905), С.Ф. Кечекьян (Kechekyan, 1958), Р.О. Халфина (Khalfina, 1974), Ю.И. Гревцов (Grevtsov, 1981), Н.Н. Вопленко (Voplenko, 2004) и др.), не меньший объем исследований по тематике правоприменения (правореализации), правоприменительных (правореализационных) отношений (В.М. Горшенев (Gorshenev, 1972), И.А. Дюрягин (Duryagin, 1977), И.А. Галаган, А.В. Василенко (Galagan & Vasilenko, 1986; Galagan & Vasilenko, 1998), Ю.А. Тихомиров (Tikhomirov, 2008), А.Г. Самусевич (Samusevich, 2022; Samusevich & Shutova, 2022) и др.), авторы относительно редко брали на себя смелость или просто имели намерение вводить в активный оборот категорию правотворческих отношений.

Объясняется это разными обстоятельствами, но, думается, одно из наиболее очевидных среди них – это то, что в доктринальный образ права, в систему представлений о законах существования правовой реальности (в рамки субъективного правопонимания) многих ученых-юристов не совсем укладывался (не всегда укладывается по сию пору) тот момент, что сфера публично-властных правотворческих полномочий может быть каким-либо образом «ограничена». Таким «ограничителем» по сути и становится формат правовых отношений, предполагающих, что действуют заданные правовыми нормами параметры осуществления правотворческих полномочий, присутствует определенный набор статусных правовых характеристик основных субъектов данного типа отношений, их не только субъективные права, но и юридические обязанности, а также ответственность (Trofimov, 2010) и пр. Поэтому практически все время сфера теории и практики правотворчества оставалась (а где-то и сегодня остается) вне рамок традиционных причинно-следственных правовых связей и структур (со своим набором юридических фактов, возникновением на их основе правовых отношений, юридических последствий и пр.), а если подобная регламентация и проводится, то она не носит по большому счету какого-либо устойчиво обязывающего значения. Это вряд ли можно назвать позитивным показателем динамического развития правовой системы государства.

В то же время определенное введение правотворческой деятельности в рамки алгоритмов и схем, характерных для конструкции правовых отношений, позволит придать правотворческой деятельности более транспарентный и предсказуемый характер, вывести ее на более высокий профессиональный уровень, связав с этой деятельностью качественные и работоспособные правотворческие результаты. В этом может заключаться и научный и практико-ориентированный смысл охвата правотворческой деятельности формой правотворческих отношений (Trofimov, 2012). Это позволит в должной мере конкретизировать реальные юридические связи, которые складываются между субъектами правотворческой практики, повысить функциональность системы правотворческих взаимодействий, поскольку именно «правоотношения» в механизме правового регулирования служат инструментом перевода общих моделей поведения в плоскость конкретных мер поведения применительно к данным субъектам (Alekseev, 1982:27). Как верно также отмечает Н.Н. Вопленко: «Правовые отношения – одна из важнейших и конкретных форм социального бытия права. Они раскрывают, опредмечивают процесс воплощения правовых норм в общественную жизнь» (Voplenko, 2003:76). В такой же степени это может относиться и к отношениям в сфере правотворческой деятельности.

Думается, преследуя именно эти познавательные и прагматические правовые цели и предполагая соответствующие научные резоны, советский ученый-юрист Б.В. Дрейшев поставил вопрос о применении модели правоотношений к правотворческим связям и процессам, обосновывая потребность исследования этого вида правовых отношений, выстраивая понятийно-категориальный аппарат, выделяя характерный тип правотворческих норм, формируя соответствующие теоретические и научно-практические позиции. Давая общее представление о различных правовых отношениях, автор говорит о том, что имеются все «основания дополнить классификацию отношений их *правообразующим* (курсив мой. – В. Т.) видом – правотворческими отношениями» (Dreyshev, 1977:38; см. также: Dreyshev, 1978; Dreyshev, 1975).

После того как в советской юридической теории известным правоведом Б.В. Дрейшевым одним из первых была обозначена категория правотворческих отношений, данная инициатива встретила вполне оправданный интерес и определенную долю поддержки (Yusupov, 1979:88–89). Вместе с тем за признанием наличия внутренних правовых связей в структуре правотворчества в виде правовых отношений не может не следовать признание действия в правотворческой сфере механизма правореализации. Но в этой части наметились определенные сложности трактовок и теоретических констатаций. С одной стороны, в рамках отечественной концепции правореализации на отдельных этапах ее развития правотворческая деятельность вполне, на наш взгляд, обоснованно включалась в структуру механизма правореализации (Reshetov, 1980:95–96), с другой стороны, применительно к этому высказывались и критические замечания, обнаруживающие якобы неоправданное расширение объема понятия правореализации за счет правотворческой деятельности, что может привести к отождествлению его с понятием правового регулирования: «правотворческая деятельность является условием существования структуры механизма реализации права, но не может быть элементом этого механизма» (Babaev & Varanov, 1983:146) и др. Это выражало в чем-то общую точку зрения, характерную для юридической науки того периода времени по данному вопросу. В дальнейшем и в теории правореализации стало подчеркиваться, что «правотворческому процессу вообще нет места в механизме реализации норм советского права» (Reshetov,

1989:137). И эти, может быть, не самые явные, но очень устойчивые доктринальные акценты в научной плоскости тоже, по всей видимости, стали идейным фактором, не позволившим рассматриваемой концепции в полной мере получить свое достойное развитие. И дело здесь, думается, не столько в возможной критической научной направленности (аргументированной критике) относительно подобного ряда правовых отношений (правовых отношений в области правотворчества) (той классической конструктивной научной критике, придающей осмысленность научному процессу, которую можно опровергнуть, к которой можно пытаться найти контраргументы и пр.), сколько в доминирующей общей правовой ментальности, не позволявшей ранее и не позволяющей в какой-то части до сих пор властный уровень социально-политической системы ставить в какие бы то ни было рамки, «измерять» складывающиеся на этом этаже социально-политической вертикали связи и отношения общими мерками правовых стандартов, нормативов, процедурных и процессуальных механизмов.

Безусловно, специфика правовых отношений в области правотворчества есть, она определяется теми властными полномочиями субъектов правового творчества, предполагающими их возможность создавать позитивное право (принимать его, изменять и отменять) и таким образом властно детерминировать правовое развитие государства. И эти полномочия в своем объеме все же «перевешивают» те правоприменительные задачи и действия, которые данные субъекты в силу своего юридического статуса обязаны осуществлять, в том числе реализуя правотворческие функции. Но это все же не означает (не должно означать), что данные субъекты не обязаны выполнять процедурно-процессуальные предписания, связанные с прохождением тех или иных стадий правотворческого процесса, правовые и юридико-технические правила, которые вытекают из законодательства, регламентирующего правотворческую деятельность.

Этот своеобразный дуализм статусно-дискреционного характера в сфере правотворчества обуславливает во многом научные позиции, констатирующие особенности правового положения субъектов, наделенных правотворческими полномочиями, а равно иных участников правотворческих процессов, известную специфику той системы отношений, которая складывалась между данными субъектами (Трофимов, 2012:566–567).

Так, анализируя феномен юридической процедуры как универсального правового явления, характерного для различных сфер правовой жизни, В.Н. Протасов подмечает ее обусловленность областью правовых отношений, реализации которых способствует (то же касается правотворческого отношения). При этом последнее характеризуется как «находящееся вне сферы общей, «массовой» реализации правовых норм», в рамках которого реализуется специфическое юридическое «право на правотворчество». Констатируется одновременно парадоксальность ситуации, где правотворчество, создавая юридические нормы, само оказывается «во власти» юридических норм (Protasov, 1991:8).

Противоречивость сложившегося научного контекста в данной плоскости в существенной степени и не позволяет выразить теоретико-практической моделью правотворческих отношений присущий ей потенциал, а область правотворчества, в свою очередь, так и остается во многом вне сферы стандартной правовой реализации, а значит возможно и вне рамок социально-правового контроля, что, по всей

видимости, вряд ли будет приемлемым с точки зрения задач формирования правового государства.

При подобном «неопределенном» статусе правотворческой области, и уж тем более если продолжать рассматривать правотворчество за пределами правовой реализации, не оценивать правотворческую деятельность в качестве предмета правового регулирования, то выстроить какой-либо «рабочий» правовой механизм правотворческой деятельности и понять, как он работает, не представляется возможным. К этим же выводам приходит и Б.В. Дрейшев, настаивая на необходимости разработки конструкции правотворческих отношений (Dreyshev, 1985:33).

Чтобы избежать выведения правотворческой деятельности за скобки правового регулирования, теряя над ней правовой и общественный контроль, к правотворческим отношениям необходимо применять те же правила, которые действуют в системе правоотношений иных сфер правового регулирования, выделяя затем соответствующие особенности.

Как и в других схожих случаях, *правоотношения в сфере правотворчества* являются непосредственной *формой реализации (применения)* лежащих в основе механизма правового регулирования *юридических норм*. По справедливому замечанию Н.Н. Вопленко: «Практическое действие правовой нормы влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правовых связей между субъектами. И это позволяет заключить: правовое отношение – *есть норма права в действии*. Другими словами, правовое отношение есть специфически юридическая форма реализации нормы права» (Vorpenko, 2003:80).

Несмотря на обозначенную довольно специфическую доктринальную атмосферу, обращение к категории правотворческих отношений все же не могло не происходить, так как это прежде всего имело и имеет под собой объективную природу отношений в области правотворчества (наличие фактических отношений в этой области; Н.Н. Вопленко обоснованно подчеркивает: «...в основе любого правового отношения лежит фактическое отношение заинтересованных субъектов» (Vorpenko, 2003:77)), которые также должны предполагать соответствующие регуляторы, правила и порядок осуществления и пр. (Н.С. Соколова (Sokolova, 2007), В.В. Трофимов (Trofimov, 2010), В.Н. Самсонов, Е.Ф. Лукьянчикова (Samsonov, Lukuanchikova, 2012), Ю.Г. Арзамасов (Arzamasov, 2013), Д.С. Дерхо (Derkho, 2015), И.В. Куртыак (Kurtyak, 2012; Kurtyak, 2017a; Kurtyak, 2017b), Д.В. Осинцев, А.С. Домченко (Osintsev & Domchenko, 2019) и некоторые др.). Вместе с тем, как представляется, в целях достижения большей научной определенности в данном вопросе в настоящее время требуется более четкое и детальное описание рассматриваемого феномена правотворческих отношений, что включало бы в себя систематизацию признаков явления и их характеристику, определение категории правотворческих отношений (как отношений, подчиняющихся в целом стандартным (с определенной спецификой) юридическим правилам и схемам их реализации, а не как существующих вне общепринятого правового порядка юридически значимых отношений).

Пройдя в этом случае своего рода синтезированным индуктивно-дедуктивно-логическим путем к построению некой общей модели правовых отношений в сфере правотворчества, обозначим видение этой проблемы.

Во-первых, как известно, отношения, урегулированные правовыми нормами (Kechekyan, 1958:7), объективно перетекают в плоскость правовых отношений.

Правотворческая сфера, какой бы она ни казалась базовой и определяющей в структуре правовой системы, также не свободна от регламентации со стороны объективного права. В каждом (или практически каждом) современном (правовом) государстве есть законодательство (в широком смысле – массив источников (форм) права), которым в том числе регулируется правотворческая деятельность (это законодательство может быть кодифицированным, например, в виде общего закона о нормативных правовых актах государства¹), а может быть распределено по целому ряду актов нормативного характера различной иерархической принадлежности, регламентирующих соответствующие правотворческие процессы и т. п.). Наличие регулирующих правотворческую сферу актов уже своим фактом подтверждает, что отношения в этой области будут строиться не сами по себе, а в силу реализации (применения) норм предметно ориентированного позитивного права (назовем его – правотворческого права). Таким образом, мы имеем в этой части юридические основания правотворческих отношений.

Во-вторых, правоотношения складываются и возникают не только в силу наличия юридических оснований, но и в силу юридически значимых социальных фактов, всегда лежащих в основе отношений правовых. Если можно так выразиться, то «глобально» в структуре правотворчества таким определяющим юридически значимым фактом, который способен привести в действие всю систему правовых отношений в правотворчестве, может считаться факт выражения правотворческой инициативы, выступающей отправной точкой для процедур и процессов ее оформления и документального отражения сначала в проекте нормативного правового акта, а затем в случае его принятия и в самом нормативном правовом акте. Как мы знаем, современная правовая жизнь полна подобными инициативами (Redko, 2023), а значит возникающим правотворческим отношениям будет всегда «не счесть числа».

В-третьих, для инициации правотворческих отношений важен еще один компонент – наличие в правовой жизни тех субъектов, которые способны брать на себя ответственность за разработку и принятие нормативных правовых актов не только в силу властных полномочий (органы и должностные лица федеральной, региональной и муниципальной публичной власти), но и в силу, что называется, искренних побуждений делать жизнь в государстве лучше не только для самого государства (государственного аппарата), но и для общества (в данном случае мы говорим о структурах и институтах гражданского общества как таких субъектах «заинтересованного» правотворческого участия). Иными словами, должен быть соответствующий субъектный состав правотворческих отношений, обеспечивающих принятие, изменение или отмену нормативных правовых актов (Ivanov, 2022), своим наличием необходимым образом обуславливающий соответствующие связи между действующими субъектами права. Как отмечает Н.Н. Вопленко: «правовое отношение представляет собой реализованную в фактическом взаимодействии сторон связь между субъектами, урегулированную нормами права» (Voplenko, 2003:78).

В-четвертых, для правовых отношений важен объект, по поводу которого эти отношения могут складываться. В теории правовых отношений существуют разные точки зрения на объект правовых отношений (Bratus & Alekseev, 1960; Kuchinsky,

---

¹ Например, в Республике Беларусь принят и действует Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 31.07.2018. 2/2568.

2006). Думается, это вытекает не в последнюю очередь из того, к какому правоотраслевому направлению относится та или иная группа правовых отношений. Для частного права таким объектом выступает прежде всего имущество, поскольку именно оно здесь имеет преимущественное значение, составляя главный предмет интересов субъектов соответствующих правовых отношений. А вот для права публичного (к которому условно, полагаем, следует отнести и правотворческое) таким объектом может выступать сама деятельность (активность), осуществление которой обуславливает появление и ряда соответствующих субъектов права, способных эту деятельность осуществлять, и комплекса характерных связей и отношений. Для правотворческих отношений таким объектом, на наш взгляд, может выступать правотворческая активность – деятельность (действия) правотворческих субъектов по достижению соответствующих текущих и итоговых целей правового творчества.

В-пятых, в связи с вышесказанным помимо некоего иницирующего звена правовых отношений, любые правовые отношения могут иметь смысл, если перед ними (или в их природе) есть зримое целеполагание, есть четкая и ясная цель – зачем эти правоотношения необходимы, к чему они могут привести, какой от них может быть эффект (Orlov & Ekimov, 1968). У правотворческих отношений такая цель, безусловно, есть: создание и воспроизводство права. Ради этой итоговой цели работает весь правотворческий механизм, все его элементы и соответственно – все те субъекты правотворчества и социально-юридические связи, которые на достижение этой цели (через посредство многих промежуточных целей) рассчитаны.

Исходя из сказанного, постараемся сформулировать некую общую дефиницию правотворческих правовых отношений (учитывая и сложившийся научный опыт (прежде всего благодаря работам Б.В. Дрейшева), и некоторые собственные наработки в этой области науки).

Правообразующие (правотворческие) правоотношения – это основанные на нормах правотворческого права специфические по содержанию и характеру правовые отношения, связанные с разработкой, принятием и изданием правотворческими органами правовых актов различной формы, а также участием граждан и организаций в данном процессе посредством выражения волеизъявления относительно характера и содержания принимаемых правовых норм (Trofimov, 2011:28).

Правотворческие правовые отношения осуществляются по соответствующим юридическим правилам, возникают, изменяются и прекращаются в силу соответствующих юридических фактов, складываются между соответствующими субъектами в целях решения главной задачи, выполнения своего главного функционального предназначения – создание, преобразование, воспроизводство позитивного права.

Правотворческое право как нормативная юридическая основа правотворческих правоотношений

Раскрывая концепцию правотворческих правовых отношений, обратимся, прежде всего, к их нормативной юридической основе, наличие которой своим фактом подтверждает, что отношения (юридические связи и процессы), возникающие на этой базе, не могут не иметь правового характера и не могут не выступать формой реализации (применения) соответствующих правовых норм, опосредующих правотворческую деятельность.

О данном типе правовых норм – норм правотворческих – также, пожалуй, первым (или одним из первых) поставил вопрос в своих работах Б.В. Дрейшев. Характеризуя значение этих норм, автор отмечает, «нормам, регулирующим правотворческую деятельность, принадлежит важная роль в совершенствовании правовой системы. Именно с их помощью осуществляется регламентация „технологического“ процесса создания новых правовых норм, изменения или отмены действующих» (Dreyshev, 1976:26).

Совокупность (комплекс) этих норм составляет вполне специфическое нормативное образование, предметом которого выступают общественные отношения в сфере правового творчества (эти отношения «направлены на создание новых норм права (изменение или отмену действующих)») (Dreyshev, 1976:27). В этом смысле можно говорить об имеющей необходимое внутреннее единство правовой общности. Это позволяет считать данную совокупность правовых (правотворческих) норм вполне самостоятельным элементом системы права, как минимум ее целостным правовым институтом, который условно можно именовать как «*правотворческое право*», которое можно определить в качестве особой *системы правотворческих норм, регулирующих общественные отношения по поводу создания, изменения или отмены норм права*, представляющее собой формально организованную юридическую основу планомерно-рационального (правотворческого) способа правообразования (Трофимов, 2011).

Правотворческое право, выраженное системой нормативных правовых предписаний, выступает формально-юридической нормативной основой *правового опосредования* взаимодействий в правотворческой области, определяя правила поведения субъектов правотворческой активности, предписывая совершение тех или иных значимых правотворческих действий (Dreyshev, 1975).

Если говорить о российской правотворческой практике, то система источников правотворческого права довольно разнообразная и многоуровневая. Первое вытекает из того, что формировалась данная система источников (форм) правотворческого права на разных отрезках становления российской государственности, отсчитывая с начала 1990-гг., и пока еще не претерпела какой-либо целенаправленной систематизации, вплоть до кодификации в рамках единого законодательного акта. Многоуровневость правотворческой деятельности и форм ее нормативного обеспечения в свою очередь определяется тем, что российское государство имеет федеративное устройство (деление на субъекты Российской Федерации) и предполагает помимо этого существование относительно автономного уровня местного самоуправления.

Правовое регулирование правотворческих отношений на общефедеральном, региональном и муниципальном уровнях в Российской Федерации на базовой всеобщей основе определяется Конституцией Российской Федерации².

Федеральный законодательный процесс и складывающиеся в этой плоскости правотворческие (законотворческие) правоотношения регулируются также рядом подзаконных нормативных актов, прежде всего соответствующими регламентами – Регламентами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ³.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144, 4 июля.

³ Постановление Государственной Думы РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.

Регламенты в российской правотворческой практике представляют собой правовые акты нормативного характера, с помощью которых опосредуются отношения, складывающиеся в процессе правотворчества (законотворчества), или правотворческие (законотворческие) отношения. Регламент – очень важный документ, должным образом организующий правотворческий процесс, а также довольно значимый элемент культуры правотворчества в рамках современного государства.

К названному можно добавить и то, что есть еще целый ряд документов, упорядочивающих и регламентирующих правотворческий процесс российского государства на данном этапе властной иерархии⁴.

Свое место в системе правотворческого права занимает нормативный правовой акт (закон), определяющий порядок опубликования и вступления в силу законодательных актов высшего органа законодательной власти в российском государстве – парламента Российской Федерации⁵ (нормирующий реализацию одной из важных стадий правотворческого процесса, имеющей первостепенное значение для повышения эффективности правоприменения (о чем уверенно и доказательно было сказано еще во времена советской юриспруденции (Pigolkin (ed.), 1968)).

Существенным и принципиальным дополнением в системе правового регулирования правотворческих отношений на федеральном уровне мог бы стать «Закон о нормативных правовых актах» или так называемый «Закон о законах», принятие которого в Российской Федерации все еще не состоялось и пока непонятно, состоится ли в перспективе, хотя были готовы и проекты (Khabrieva & Tikhomirov (ed.), 2019), да и «перьев» ученых-правоведов на этот счет стерто немало (Boshno, 2015).

Правотворческий процесс в сфере компетенции главы российского государства – Президента Российской Федерации и соответствующие правовые отношения в этой области регламентируются также целым рядом нормативных правовых актов, определяющих и порядок разработки и принятия указов и распоряжений Президента РФ, и отношения между участниками данных правотворческих процессов⁶.

Поскольку Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти федерального уровня принимают существенное число нормотворческих актов, правотворческое право современного российского государства включает в себя и данный компонент правовой регламентации правотворческой деятельности,

---

1998. № 7. Ст. 801; Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 6 февраля 1996 г. № 42-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 7. Ст. 655.

⁴ См., например: Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2009 г. № 389 (ред. от 29.08.2020) «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации») // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 19. Ст. 2346; и др.

⁵ Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 8. Ст. 801.

⁶ См.: Распоряжение Президента РФ от 3 августа 1996 года № 413-рп «О порядке подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 33. Ст. 3982; Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 1996 года № 638 «О порядке подготовки проектов указов, распоряжений Президента Российской Федерации, предусматривающих принятие постановлений, распоряжений Правительства Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 19. Ст. 2257.

правотворческой активности данного уровня общественных отношений (правотворческих правоотношений в системе федеральных органов исполнительной власти)⁷.

Региональный и муниципальный уровни правотворческих правоотношений опираются на нормативную правовую основу, выраженную как федеральными законами⁸, так и региональными и муниципальными актами, начиная с Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации и Уставов городов и иных муниципальных образований и продолжая специальными законами в этой области⁹. Причем по последнему элементу можно констатировать наличие факта так называемого опережающего правотворчества, когда при отсутствии на федеральном уровне закона о правотворческой деятельности (так называемого «Закона о законах»), в регионах уже приняты и действуют вполне цельные нормативные правовые акты, регулирующие все основные аспекты правотворческой деятельности в субъектах РФ¹⁰.

Таким образом, для правотворческих отношений в Российской Федерации сформирована довольно внушительная нормативная правовая основа, представленная нормативными правовыми актами разных уровней, определяемых федеративным устройством российского государства и наличием как государственной, так и муниципальной систем управления. Этот массив существующих документов, имеющих предмет правового регулирования, в том числе отношения в сфере правотворчества, можно вполне уверенно именовать правотворческим правом, которое конечно же нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, не говоря о необходимости его осмысления, исследования и научного обоснования.

Объект, субъекты и содержание правотворческих правоотношений как формы реализации (применения) норм правотворческого права

Развивая концепцию правотворческих правоотношений, кратко остановимся в рамках настоящей статьи на вопросах об объекте, о субъектах и содержании данных отношений как выражении аспектов реализации (применения) норм правотворческого права.

⁷ Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. № 251. 2020, 9 ноября; Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 (ред. от 06.09.2021) «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313; Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 (ред. от 01.02.2020) «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. № 171. 2005, 5 августа; и др.

⁸ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973; Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁹ См., например: Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 // Известия Башкортостана. 1994. № 3, 6 января; Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации (принят Тамбовской областной Думой 30 ноября 1994 г.) // Тамбовская жизнь. 1994. № 233, 6 декабря; Устав города Тамбова (принят решением Тамбовской городской Думы от 4 мая 2005 г. № 704, зарегистрирован постановлением Тамбовской областной Думы от 20 мая 2005 г. № 1161) (с изм. и доп.) // Наш город Тамбов. 2005. № 22, 23 мая.

¹⁰ См., например: Закон Тамбовской области от 23 июня 2006 года № 51-З «О правовых актах Тамбовской области». Принят Тамбовской областной думой 23 июня 2006 года (в ред. от 01 декабря 2021 г.) // Тамбовская жизнь. 2006. № 162–163, 7 июля.

Не углубляясь в дискуссионный пласт проблемы объекта правоотношений (на что выше уже обращали наше внимание), приведем классическое понимание данного компонента правовой реальности, которое было выработано отечественной теоретико-правовой наукой. Как характеризовал этот аспект С.С. Алексеев, *объект* правоотношения – это те явления (предметы) окружающего мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности (Alekseev, 1964:137). Объектом правотворческого отношения, соответственно, является все то, что находится вне субъективных прав и юридических обязанностей участников данных правоотношений.

По отношению к субъектам правового творчества таким внешним для них явлением, по поводу которого возникают соответствующие субъективные права и юридические обязанности данных субъектов, следует считать феномен правотворческой активности, комплекс тех правотворческих действий, которые субъекты правотворчества имеют право и вместе с тем обязаны осуществлять. В рамках системы правотворчества комплекс таких действий (комплекс моделей и стандартов правотворческих действий) во многом предзадан (выработан многовековой правотворческой практикой человечества, определен нормативными установлениями), и именно они выступают той «ценностью», к которой может приобщиться каждое новое поколение правотворцев и которая актуализируется с каждой новой ротацией уполномоченных на официальное (или даже неофициальное) правотворчество субъектов. В частности, к элементам комплекса правотворческих действий (юридически значимым проявлениям правотворческой деятельности) можно отнести, с одной стороны, такие стандартизированные правотворческие акции, как выражение правотворческой инициативы, участие в обсуждении проекта закона, голосование за подобный проект и т. п. (этими действиями опредмечиваются преимущественно непосредственно субъективные права субъектов правотворчества), с другой стороны, такие нормативно обязательные действия, как проведение оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов, принятие на рассмотрение поправок (дополнений) к проектам нормативно-правовых актов, проведение антикоррупционной экспертизы подобных актов, их проектов и т. п. (этими правотворческими акциями опредмечиваются в основном юридические обязанности субъектов правотворческих действий) (Trofimov, 2012).

В соответствии с законом (нормативным правовым актом) к числу *субъектов* правотворческих отношений могут относиться как субъекты индивидуального, так и коллективного характера. Первые субъекты правотворчества – граждане государства (российские граждане) и должностные лица, наделенные правотворческими полномочиями. Вторые – российский народ – главный источник власти в стране (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), органы государственной и муниципальной публичной власти, социальные организации, институты гражданского общества.

Способностями (правомочиями) осуществлять те или иные юридически значимые правотворческие действия во многом определяется *правосубъектность* в сфере правотворчества. При этом последняя в зависимости от объема (спектра) таких правомочий может быть «полная» (предполагает у субъекта правового творчества максимально полную совокупность правовых возможностей осуществлять правотворческие действия, участвовать, по сути, в любых правотворческих отношениях). Также правосубъектность может быть «неполной» (открывает ограниченный спектр возможностей участия в правотворческой деятельности государства – как правило,

участвовать в отдельных правотворческих действиях, в том числе инициировать проект нормативного правового акта, участвовать в его обсуждении (публичном слушании), проводить экспертизу и пр.). Полная правотворческая правосубъектность, как правило, присутствует у органов публичной власти, неполная – у субъектов гражданского общества.

Разнообразные правомочия и обязанности субъекта правового творчества вытекают из соответствующих правотворческих норм, которыми регламентируется правотворческая активность. В силу реализации соответствующих субъективных правопроявлений (прав и обязанностей) совершаются необходимые в определенные моменты времени правотворческие действия, которыми, собственно, и поддерживается механизм создания правовых норм, производства права.

Содержанием правотворческих правовых отношений выступает совокупность субъективных прав и юридических обязанностей, отражающих «занятость» субъекта правотворчества в процессах правотворчества. Содержание правотворческих отношений в этом смысле есть основанное на реализации правотворческих правомочий и обязанностей фактическое поведение участников этих отношений, их правотворческая деятельность в соответствии с предусмотренными правовой нормой правами и обязанностями, т. е. их правомерная практическая реализация (Dreyshev, 1977:32–33, 36).

Если же иметь в виду, что нормы правотворческого права регламентируют как собственно правотворческую деятельность (правотворческие действия, связанные с разработкой, обсуждением и принятием (опубликованием) нормативных правовых актов), так и процедуру (процесс) ее осуществления, в правотворческом праве можно выделить *материальный* и *процессуальный* сегменты (первый отвечает за то, «что» делается в рамках правотворчества, второй – «как» осуществляется процесс правотворческих действий). Значит и отношения в сфере правотворчества имеют материальную и процессуальную природу. Правотворческие действия по поводу принимаемых документов нормативно-правового характера будут содержанием *материальных правотворческих отношений*. В свою очередь, материальные правотворческие отношения выступают содержанием *процессуальных правотворческих правоотношений*.

Динамика же правотворческих правоотношений во многом определяется стадийностью правотворчества, начиная от так называемой предправотворческой стадии (где на основе общегражданского «чутья» и / или научно-правовых исследований (теоретических и эмпирических) зарождаются правовые идеи, правовые замыслы, правовые проекты и правовые инициативы), проходя через стадии обсуждения и принятия в рамках соответствующих властных инстанций и завершая стадией опубликования нормативного правового акта.

Выводы

Таким образом, если подводить некоторые итоги проведенного рассмотрения проблемы правотворческих отношений как формы применения (реализации) права, можно сделать следующие выводы. Первое, научный анализ конструкции правотворческих отношений показал, что в системе властной правотворческой деятельности также могут складываться соответствующие правовые отношения, выражающие собой реализацию (применение) норм правотворческого права, которое регулирует

общественные отношения в сфере правотворчества государства, и это не какой-либо юридический парадокс, а объективная данность правовой жизни. Второе, введение в более активный научный оборот категории правотворческих правоотношений оправдано потребностью смотреть на правотворчество как деятельность, осуществляемую по определенным правилам и подчиняющуюся установленным нормативным требованиям и предписаниям, что будет выступать предпосылкой повышения качества правотворческих результатов. И, третье, это не направлено никоим образом на ограничение возможности творчества права соответствующими управомоченными субъектами, а наоборот – способствует обеспечению надлежащего порядка в организации правотворческого процесса.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1960) About the object of law and legal relations. In: Bratus, S.N. (ed.). *Questions of the general theory of Soviet law: collection of articles*. 284–308. (in Russian).
Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 284–308.
- Alekseev, S.S. (1964) *General theory of socialist law. Issue 2: Norms of law and legal relations*. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т. 1964. 226 с.
- Alekseev, S.S. (1982) *General theory of law*. Vol. 2. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 359 с.
- Azamasov, Yu.G. (2013) *Theory and practice of departmental rulemaking in Russia*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М. : Юрлитинформ, 2013. 480 с.
- Babaev, V.K. & Baranov, V.M. (1983) Reshetov, Y.S. The mechanism of legal realization in the conditions of developed socialism. Kazan, 1980. 167 p. *Soviet state and law*. (3), 145–146. (in Russian).
Бабаев В.К., Баранов В.М. Ю.С. Решетов. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 167 с. // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 145–146.
- Boshno, S.V. (2015) Draft law on normative legal acts: the clash of lawmaking, theory and practice. *State and law*. (11), 14–23. (in Russian).
Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.
- Derkho, D.S. (2015) Legal relations in the field of constitutional lawmaking: questions of theory. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. (17), 38–44. (in Russian).
Дерхо Д.С. Правоотношения в сфере конституционного правотворчества: вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 38–44.
- Dreyshev, B.V. (1975) Law-making relations in the Soviet state administration. *Pravovedenie*. (2), 54–61. (in Russian).
Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении // Правоведение. 1975. № 2. С. 54–61.
- Dreyshev, B.V. (1976) Law-making norms in the system of Soviet law. *Pravovedenie*. (5), 25–31. (in Russian).
Дрейшев Б.В. Правотворческие нормы в системе советского права // Правоведение. 1976. № 5. С. 25–31.

- Dreyshev, B.V. (1977) *Lawmaking in the Soviet state administration*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Дрейшев Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. М. : Юрид. лит., 1977. 159 с.
- Dreyshev, B.V. (1978) *Law-making relations in the Soviet state administration*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University (in Russian).
Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 175 с.
- Dreyshev, B.V. (1985) Lawmaking and legal regulation. *Pravovedenie*. (1), 30–36. (in Russian).
Дрейшев Б.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение. 1985. № 1. С. 30–36.
- Dyuryagin, I.Ya. (1977) Law enforcement relations as a kind of managerial relations. *Soviet State and Law*. (7), 46–54. (in Russian).
Дюрягин И.Я. Правоприменительные отношения как разновидность управленческих отношений // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 46–54.
- Galagan, I.A. & Vasilenko, A.V. (1986) Problems of the theory of law enforcement under Soviet legislation. *Pravovedenie*. (2), 57–61. (in Russian).
Галаган И.А., Василенко А.В. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству // Правоведение. 1986. № 2. С. 57–61.
- Galagan, I.A. & Vasilenko, A.V. (1998) On the problems of the theory of law enforcement relations. *State and law*. (3), 10–18. (in Russian).
Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 10–18.
- Gorshenev, V.M. (1972) *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1972. 258 с.
- Grevtsov, Yu.I. (1981) *Problems of the theory of legal relations*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University. (in Russian).
Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л. : ЛГУ, 1981. 83 с.
- Ivanov, R.L. (2022) Subjects of lawmaking: concept and types. *Herald of Omsk University. Series Law*. 19(2), 5–14. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).5-14](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).5-14). EDN JQJUYC. (in Russian).
Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19. № 2. С. 5–14. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).5-14](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).5-14). EDN JQJUYC.
- Kechekyan, S.F. (1958) *Legal relations in a socialist society*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).
Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 187 с.
- Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov, Yu.A. (ed.). (2019) *On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law)*. 5th ed., revised and expanded. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).
О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 88 с.
- Khalfina, R.O. (1974) *The general doctrine of legal relations*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.

- Khvostov, V.M. (1905) *General theory of law. Elementary essay*. Moscow, University Printing House. (in Russian).
Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М. : Университетская типография, 1905. 211 с.
- Kuchinsky, V.A. (2006) Objects of legal relations. *Socio-economic and legal studies*. (4), 21–34. (in Russian / in Belarusian).
Кучинский В.А. Объекты правовых отношений // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2006. № 4. С. 21–34.
- Kurtyak, I.V. (2012) Normative legal relations in the system of law-making. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 56–62. (in Russian).
Куртяк И.В. Нормотворческие правоотношения в системе правотворчества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 56–62.
- Kurtyak, I.V. (2017a) *Normative relations in the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Куртяк И.В. Нормотворческие отношения в МВД России. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. 213 с.
- Kurtyak, I.V. (2017b) Some questions of the mechanism of legal regulation of normative legal relations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (3), 17–20. (in Russian).
Куртяк И.В. Некоторые вопросы механизма правового регулирования нормотворческих правоотношений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 17–20.
- Muromtsev, S.A. (1879) *Definition and basic division of law*. Moscow, Printing house of A.I. Mamontov and Co. (in Russian).
Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М. : Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.
- Orlov, O.N. & Ekimov, A.I. (1968) The goal in the norm of Soviet law. *Pravovedenie*. (5), 22–29. (in Russian).
Орлов О.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22–29.
- Osintsev, D.V. & Domchenko, A.S. (2019) Administrative rulemaking: legal relationship or organizational and activity technology of functioning of a public administration body. *Russian Journal of Legal Studies*. 6(1(18)), 64–72. EDN PPHPOB. (in Russian).
Осинцев Д.В., Домченко А.С. Административное нормотворчество: правоотношение или организационно-деятельностная технология функционирования органа публичного управления // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1(18). С. 64–72. EDN PPHPOB.
- Pigolkin, A.S. (ed.). (1968) *Publication of regulations*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Опубликование нормативных актов / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1968. 178 с.
- Protasov, V.N. (1991) *Legal procedure*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Протасов В.Н. Юридическая процедура. М. : Юрид. лит., 1991. 79 с.
- Redko, A.A. (2023) *Legal initiative in the mechanism of action of modern Russian law*. Abstract Doctor of Legal Sciences dissertation. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (in Russian).
Редько А.А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 60 с.

- Reshetov, Y.S. (1980) *The mechanism of legal realization in the conditions of developed socialism*. Kazan, Publishing house of the Kazan University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань : изд-во Казанского ун-та, 1980. 167 с.
- Reshetov, Y.S. (1989) *Implementation of the norms of Soviet law (system analysis)*. Kazan, Publishing House of the Kazan University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Реализация норм советского права (системный анализ). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. 159 с.
- Samsonov, V.N. & Lukuanchikova, E.F. (2012) Features of normative relations of legislative (representative) public authorities of the subjects of the Russian Federation. *Scientific bulletin of Belgorod State University: Philosophy. Sociology. Law*. (8), 129–134. (in Russian).
Самсонов В.Н., Лукьянчикова Е.Ф. Особенности нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. 2012. № 8. С. 129–134.
- Samusevich, A.G. (2022) *Theory and practice of law enforcement: A textbook*. Irkutsk, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia). (in Russian).
Самусевич А.Г. Теория и практика правоприменения : учебное пособие. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. 118 с.
- Samusevich, A.G. & Shutova, V.N. (2022) Problems of understanding constitutional law enforcement. *Leningrad Law Journal*. 4 (70), 84–98. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84 (in Russian).
Самусевич А.Г., Шутова В.Н. Проблемы понимания конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 4 (70). С. 84–98. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84
- Sokolova, N.S. (2007) Features of the legislative procedures of subjects of the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. (3), 10–16. EDN JVKTMD. (in Russian).
Соколова Н.С. Особенности правотворческих отношений субъектов Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 10–16. EDN JVKTMD.
- Tikhomirov, Yu.A. (ed.). (2008) *Law enforcement: theory and practice*. Moscow, Formula prava Publ. (in Russian).
Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Формула права, 2008. 432 с.
- Trofimov, V.V. (2010) Law-forming relations and legal responsibility: problems of theory and practice of implementation. *Constitutional and municipal law*. (4), 14–18. (in Russian).
Трофимов В.В. Правообразующие отношения и юридическая ответственность: проблемы теории и практики реализации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 14–18.
- Trofimov, V.V. (2011) Legal education in modern society: Theoretical and methodological aspect. Abstract Doctor of Legal Sciences dissertation. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance. (in Russian).
Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. 2011. 50 с.
- Trofimov, V.V. (2012) Law-making legal relations as a form of implementation of a planned and rational way of forming law: problems of theory and practice. *Legal technique*. (6), 566–577. EDN RCGGKX. (in Russian).
Трофимов В.В. Правотворческие правоотношения как форма осуществления планомерно-рационального способа формирования права: проблемы теории и практики // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 566–577. EDN RCGGKX.

- Voplenko, N.N. (2003) Legal relations: Concept and classification. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. (6), 76–89. EDN MNKZWH. (in Russian).
Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6. С. 76–89. EDN MNKZWH.
- Voplenko, N.N. (2004) *Legal relations*. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. (in Russian).
Вопленко Н.Н. Правовые отношения. Волгоград : изд-во ВолГУ, 2004. 64 с.
- Yusupov, V.A. (1979) Dreyshev, B.V. Law-making relations in the Soviet state administration. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1978. 176 p. *Pravovedenie*. (6), 88–89. EDN UCCORJ. (in Russian).
Юсупов В.А. Б.В. Дрейшев. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Изд-во Ленинградского ун-та, 1978, 176 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 6. С. 88–89. EDN UCCORJ.

Сведения об авторе:

Трофимов Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; 392000, Российская Федерация, Тамбовская область, город Тамбов, Интернациональная ул., д. 33
ORCID: 0000-0002-5039-7363; SPIN-код: 2555-5922
e-mail: iptgutv@mail.ru

About the author:

Vasily V. Trofimov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Research Institute of State and Legal Studies, Full Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; city, 33 Internatsionalnaya str., Tambov, Tambov region, 392000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5039-7363; SPIN-code: 2555-5922
e-mail: iptgutv@mail.ru